

Г. Н. Сауков

**ФАРФОРОВО-ФАЯНСОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В УСЛОВИЯХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-26-35

УДК 94(470.5)“18”

ББК 63.3(235.5)52

В статье рассматривается влияние законодательных и административных ограничений на развитие фарфорово-фаянсовой промышленности Урала во второй половине XIX в. Источниками послужили следственные дела о закрытии или открытии предприятий, о разрешении на добычу белой глины и о признании права собственности на ее месторождения. В ходе исследования установлено, что закон об «огнедействующих заведениях», запрещавший на территории горнозаводских округов открытие фабрик, «требующих дров и угля», а также сохранявшиеся широкие полномочия горного начальства в сфере защиты интересов горнозаводской промышленности тормозили развитие фарфорово-фаянсовой отрасли в регионе. Борьба шла за основные ресурсы для обеих отраслей — древесное топливо и глину, потребность в которых испытывало и гончарное, и еще в больших масштабах металлургическое производство. Выясняется, что в борьбе за ресурсы безуспешным часто оказывалось сопротивление не только отдельных предпринимателей, но и гражданских властей, встававших на их сторону в интересах общего развития региональной экономики. В этой борьбе местное горное начальство в лице управляющих и Уральское горное управление под руководством главного начальника прибегало к поддержке центральных органов власти — министерств и даже Сената, поддерживавших первостепенное развитие крупной горнозаводской промышленности. Случалось, что противодействие сторонним предпринимателям оказывали и занимавшиеся промыслами заводские жители, в собственных интересах устранявшие конкурентов под защитой действовавшего горного законодательства.

Ключевые слова: *Урал, вторая половина XIX в., фарфорово-фаянсовая промышленность, горное начальство, горное законодательство*

Во второй половине XIX в. в экономике Урала традиционно доминировала горнозаводская промышленность, а горнозаводчики являлись наиболее значимой и влиятельной группой регионального предпринимательства. Вместе с тем в новых условиях, сформировавшихся после отмены крепостного права и либерализации условий для частного предпринимательства, стали активно развиваться новые отрасли промышленности,¹ в том числе фарфорово-фаянсовая. Среди негорнозаводских отраслей она имела большие перспективы благодаря наличию в регионе качественного сырья и квалифицированных рабочих рук, а также значительной емкости местного рынка.

¹ См.: Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 86–104.

Сауков Геннадий Николаевич — аспирант кафедры «История и документоведение», Гуманитарный институт, Курганский государственный университет (г. Курган)
E-mail: saukow@mail.ru

Однако при организации фарфорово-фаянсового дела предприниматели испытывали определенные трудности, связанные прежде всего с использованием древесного топлива и минерального сырья — глины, являвшихся важнейшими компонентами и для металлургического производства. В этом отношении предприниматели сталкивались с фактически монопольным положением могущественных горнозаводчиков в использовании природных богатств региона и с зависимостью от всемогущего горного ведомства, которое довольно жестко следило за выполнением законодательства, регулировавшего использование сырья и топлива, и отстаивало интересы как казенных, так и частных горных заводов. Цель статьи — определить законодательные и административные ограничения и их влияние на развитие фарфорово-фаянсовой промышленности на Урале во второй половине XIX в. Для этого рассмотрим материалы, обнаруженные нами в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Государственном архиве Пермского края (ГАПК), касавшиеся

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ООО «НПО «АрхЭтно» (г. Екатеринбург)

учреждения и деятельности фарфорово-фаянсовых фабрик, и проследим, как складывались отношения их владельцев с горным ведомством.

Выясняется, что одной из главных ограничительных норм, сохранявшейся во второй половине XIX в., был запрет открывать в горнозаводских округах «огнедействующие заведения», «требующие дров и угля». Эта норма появилась еще в первом кодексе горнозаводского законодательства — Проекте горного положения 1806 г. и без изменений вошла в Горный устав (ст. 394 Горного устава издания 1857 г.). В 1883 г. было разъяснено, что воспреещение устраивать в округах Уральских казенных горных заводов огнедействующие заведения, требующие угля, относилось исключительно к заведениям, потреблявшим древесный уголь. Тем не менее вплоть до начала XX в. горное ведомство закрывало и воспреещало открывать на Урале огнедействующие заведения, пользуясь для этого уже поправкой к ст. 836 Устава горного, которая фактически повторяла положения прежней 394 ст. издания 1857 г.²

Пример фарфорово-фаянсовой фабрики Г. А. Ушкова в Камышловском уезде Пермской губернии дает представление о прямом влиянии этого запрета на действующее предприятие. Впервые и без подробностей данный случай был описан шадринским краеведом В. П. Бирюковым в 1930 г. на основе интервью с внуком основателя фабрики К. А. Ушковым и переписки с сыном работника предприятия Е. Е. Шабровым. По свидетельству первого, фабрика прекратила существование из-за конфликта с арендодателем — горным ведомством, воспользовавшимся для ее закрытия упомянутым запретом. По словам второго корреспондента, жители близлежащего Каменского завода и его управление предъявили фабриканту требование «добывать дрова вне Каменской лесной дачи», что привело к необходимости привозить их за сотню и более верст — это было ему не под силу.³

Мельница, при которой Ушков построил «гончарное заведение», была куплена им в 1854 г. и располагалась «на реке Исети по течению с левой стороны выше деревни Байновой в полуверсте и в таком же расстоянии ниже деревни Токаревой». ⁴ Это частично согласуется и

с воспоминаниями К. А. Ушкова, что фабрика находилась на левом берегу Исети, ниже впадения в нее речки Каменки, а глина добывалась на противоположном берегу «в горе». ⁵ Хотя, согласно плану прииска глины, «бывшему в арендном содержании у Шадринского купца Гаврила Арефьева Ушкова», она добывалась на левом берегу Исети, напротив восточной оконечности деревни Байновой, можно утверждать, что в документах упоминается участок протяженностью не более одной версты между деревнями Токаревой и Байновой на обоих берегах Исети.

На основании архивных материалов выясняется, что конфликт начался еще в феврале 1858 г., когда главный лесничий уральских заводов обратил внимание на закупку Ушковым у крестьян Маминской волости Екатеринбургского уезда большого количества дров (около 400 куб. саж. при выданном ему билете на 25 или 30 саж.). Топливо было вывезено на его мельницу, располагавшуюся на реке Исети в трех верстах от Каменского завода. Туда был командирован горный чиновник для описания всех строений, леса и дров. Ревизия показала, что «без всякого дозволения начальства» Ушков устроил около мельницы «основанное на огненном действии гончарное заведение для выделки глиняной и фаянсовой посуды в большом размере». Объемы использованного для строительства зданий леса дали ревизору повод усомниться в законных способах его приобретения. Кроме того, было найдено большое количество «квартирных» дров — березовых (370 саж.) и сосновых (246 саж.), а также стройматериалов: досок половых (104 шт.), комлей (25 шт.), бревен (689 шт.). До выяснения всех обстоятельств дела предприятие 7 марта было приказано опечатать. ⁶

На 1 марта 1858 г. Щербаковское волостное правление назначило торги на отдачу в арендное содержание прииска белой и красной глины и прииска известкового камня. Первый находился «ниже села Волковского — в скотском выпуске, примерно от села в одной версте, на правом берегу реки Исети около самой реки близ Белого камня». Второй — также на правом берегу при деревне Токаревой «от Высокого камня вверх по течению реки по самому берегу на полуверсте». ⁷

В июле 1858 г. Пермская палата государственных имуществ по результатам прошедших

² См.: Алов А. А. Об отмене законоположений, стесняющих устройство на Урале кустарных огнедействующих заведений: отчет 1900 г. А. А. Алова. СПб., 1900. С. 1.

³ См.: Бирюков В. П. Из истории фарфорово-фаянсового дела в Приисетьи // Исетско-Пышминский край: сборник краеведческих статей. Шадринск, 1930. Вып. 1. С. 46, 47.

⁴ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 13–14.

⁵ Бирюков В. П. Указ. соч. С. 45, 46.

⁶ См.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 292. Л. 5–6об.

⁷ Там же. Л. 7–9, 52об.

торгов распорядилась отдать в аренду на 12 лет оба прииска доверенному Г. А. Ушкова — шацкому купцу третьей гильдии Иванову. Плата за прииск белой и красной глины составила 10 руб. 10 коп, известкового камня — 3 руб. 50 коп. Дополнительно только тогда было разрешено «при Токаревской оброчной статье, на избранном им месте, устроить фабрику для выделки глиняной, фаянсовой и фарфоровой посуды».⁸ Позже товарищ министра финансов в своем заключении прямо указывал, что Ушков взял в аренду прииски, чтобы «прикрыть этим незаконные действия свои по самовольному устройству в заводской даче гончарного заведения, которое существовало и выделывало посуду гораздо раньше, чем Щербаковское волостное правление назначило торги».⁹ По информации, полученной от А. И. Нового, работавшего мастером на фабрике, фабрика была открыта еще в 1856 г.¹⁰ Достоверно известно, что в декабре 1857 г. Ушков уже торговал «посудой из белой глины» собственного производства на Ишимской ярмарке в Тобольской губернии.¹¹

Таким образом, аренда приисков давала возможность предпринимателю узаконить возведенную им фабрику, чем он и воспользовался. На основании распоряжения Пермской палаты государственных имуществ и заключенного в июле 1858 г. с волостным правлением контракта предприятие было «распечатано» волостным головой. Владелец продолжил развивать производство, установив сушильную печь и «12 станков для делания посуды» (еще два станка готовились к пуску). Однако в августе и сентябре фабрика дважды останавливалась и вновь опечатывалась по распоряжению горного начальства, но вскоре «распечатывалась» представителями уездных и окружных властей.¹²

Пытаясь урегулировать нараставший конфликт между местными горными и гражданскими властями, в декабре того же года Ушков подал жалобу в Министерство финансов, к которому в то время относилось горное ведомство, указывая на большие убытки от неоднократной остановки производства. Свою позицию он обосновывал тем, что фабрика была устроена с

разрешения Пермской палаты государственных имуществ на землях государственных крестьян, отданных ему в аренду по результатам торгов. Фабрикант подчеркивал, что ему предоставлено право пользоваться дровами из «свободных дач», принадлежавших ведомству государственных имуществ, поэтому брать топливо из заводских лесных дач у него нет необходимости. Кроме того, фабрикант апеллировал к известным ему случаям действия шести гончарных, нескольких салотопенных и других заведений в Екатеринбургском горнозаводском округе, которые получили разрешение на работу от Уральского горного правления.¹³

В свою очередь, главная контора Екатеринбургских заводов настаивала на том, что фабрика была построена не на крестьянских землях, а при мельнице Ушкова, находившейся в Каменской заводской даче без согласования и в нарушение 394 ст. Устава горного (изд. 1857 г.) о заведениях, основанных на «огненном действии». При этом работать она начала еще до получения разрешения от Пермской палаты государственных имуществ. Прииски глины и известкового камня, при которых та разрешила построить фабрику, тоже располагались в дачах Каменского завода и принадлежали ему, а не государственным крестьянам. Главная контора доказывала, что дрова, купленные Ушковым у крестьян Маминской волости, были нарублены в заводской даче, и выражала опасение, что подобное будет происходить и в дальнейшем. Контора пояснила также, что другие гончарные заведения в округе «допущены в самом незначительном размере, лишь для удовлетворения потребности местных обывателей в глиняной посуде, и они устроены преимущественно заводскими рабочими людьми». Расход топлива для каждого из них не превышал 20–30 саж. дров и не наносил ущерба заводу. При этом, как сообщали горные чиновники, «заводское начальство старается приохотить хозяев этих заведений употреблять для действия их хворост, сучья, каменный уголь и торф, что не упускается из виду при каждом рассмотрении смет на отпуск леса».¹⁴

Министерство финансов полностью согласилось с доводами местного горного начальства, уведомив в июне 1859 г. главного начальника уральских заводов, что считает постройку Ушковым фабрики и отдачу ему в аренду приисков

⁸ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 292. Л. 11, 52об. — 53.

⁹ Там же. Л. 30об. — 31.

¹⁰ См.: Нетцель А. Очерки Гжели // Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии, издаваемый Московским губернским статистическим комитетом. М., 1864. Вып. 1. С. 26, 27.

¹¹ Смоленский М. Ишимская ярмарка в 1857 г. // Тобольские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1858. 17 янв. № 3. С. 55.

¹² См.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 292. Л. 16об. — 18, 22об.

¹³ См.: Там же. Л. 1, 22–23об.

¹⁴ Там же. Л. 23–32.

незаконными, а его ходатайство о возмещении убытков необоснованным. О том же было сообщено и в Министерство государственных имуществ. Однако Пермская палата государственных имуществ постановлением от 28 января 1860 г. приняла сторону Ушкова и Щербаковского волостного правления, которое считало прииски и земли своими.¹⁵

Между тем фабрика во время разбирательства продолжала работать и расширяться, хотя и испытывала проблемы с топливом.¹⁶ Так, по информации, полученной не позднее 1862 г. от мастера А. И. Нового, дрова «прежде покупали из казенных» дач по 40 коп. серебром за сажень, но «вследствие жалобы мастеровых» цена поднялась до 1 руб.¹⁷ Это коррелирует с информацией, полученной от Е. Е. Шаброва, относящейся к периоду не позднее 1863 г.¹⁸ По его словам, «каменные жители предъявили Ушкову требование приобретать дрова откуда угодно, но только не из Каменной дачи», чем поставили фабрику «в безвыходное положение». Поскольку «в то время железной дороги не существовало, то приобретение дров гужем на расстоянии 50–100 верст грозило ликвидацией» предприятия, чего добивались каменцы.¹⁹ Примечательно, что в обоих свидетельствах упоминается не о противостоянии фабриканта с главной конторой Екатеринбургских горных заводов, а о жалобах на него «каменных жителей». Не исключено, что это были те самые «заводские рабочие люди», которые, по свидетельству главной конторы Екатеринбургских заводов, занимались гончарным промыслом и опасались конкуренции с более крупным фабрикантом.

Очевидно, дороговизна дров подтолкнула Ушкова перейти на альтернативный вид топлива, как того и желала главная контора. В июле 1861 г. его поверенный выиграл торги на 12-летнее оброчное содержание торфяных копей в Щербаковской волости с уплатой 10 коп. с каждой кв. сажени разработанной площади. Отмечалось, что арендная плата была «незначительна сама по себе, но она очень дорога по новости дела». Учитывая «сильное истощение лесов», особенно в заводских округах и «в некоторых казенных селениях крайнюю нужду

в дровах», Пермская палата государственных имуществ полагала, что употребление торфа на фабрике послужит примером местным крестьянам и «не замедлит войти в употребление в их домах». Важно отметить, что часть торфяных месторождений Щербаковской волости перед сдачей их в аренду Ушкову была выделена из горнозаводских дач в распоряжение Управления государственных имуществ по согласованию с горным начальником Екатеринбургских заводов и министром финансов.²⁰

Применение Ушковым торфа для обжига фаянсовой посуды было передовым опытом не только для Пермской губернии. Считается, что впервые в России торф использовался на гжельском заводе Л. Кузнецова в 1841 г. Однако этот опыт оказался неудачным из-за плохо просушенного топлива и невыгодным вследствие невысоких цен на дрова в то время. В 1860 г. в Московской губернии близ села Карпова при поддержке властей был устроен небольшой показательный завод В. И. Чарыкова для приобщения гжельских заводчиков к употреблению торфа в посудном производстве. Чарыкову отвели торфяник на площади 28 дес. с платой по 25 коп. с куб. сажени. Новый эксперимент показал, что обжиг изделий торфом обходился вдвое дешевле по сравнению с дровами.²¹ Тем не менее и в начале 1860-х гг. «употребление его в Гжели» было «очень ограничено».²²

Вслед за Ушковым попытку использовать торф для обжига фаянсовой посуды и изразцов предпринял на Урале отставной титулярный советник К. Ф. Воронин. В октябре 1864 г. он подал прошение в главную контору Екатеринбургских заводов о разрешении устроить в горнозаводской даче около деревни Шайтанки пробные печи и выдать ему свидетельство на добычу торфа в Черемисской волости. Старший лесничий Екатеринбургских заводов поддержал просьбу Воронина, поскольку полагал, что использование торфа в качестве топлива способствует сохранению лесов. Горный начальник Екатеринбургских заводов также не нашел препятствий к выдаче разрешения с условием уплаты оброка в размере по 3/7 коп. с каждой кв. сажени разработанной площади или по 10 коп. с каждой куб. сажени добытого торфа и

¹⁵ См.: Там же. Л. 40–57об.

¹⁶ См.: Там же. Л. 34об.–35, 49–49об.

¹⁷ Нетцель А. Указ. соч. С. 26, 27.

¹⁸ См.: Сауков Г. Н., Гильдерман А. В. Фаянсовая мастерская Е. С. Шаброва: опыт верификации нарратива // Земля курганская: прошлое и настоящее. Курган, 2021. С. 88.

¹⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 1062. Л. 13.

²⁰ См.: Харьусов. Первый опыт введения торфа на заводах в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1862. 9 февраля. № 6. С. 111, 112.

²¹ См.: Федченко Г. П. Гончарное производство (фарфор и фаянс) // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб., 1862. Т. 1. С. 380–382.

²² Нетцель А. Указ. соч. С. 24.

на определенный срок. Цены были назначены исходя из опыта сдачи в аренду мест для добычи торфа в Екатеринбургском городском выгоне, а также Андреевского и Карасьева торфяных болот и торфяников в Каменской даче. Однако разрешение было отложено до получения распоряжения министра финансов.²³ Непонятно, было ли в итоге дозволено просителю построить пробные печи и добывать для них торф, но в истории фарфорово-фаянсовой промышленности Пермской губернии гончарно-изразцовый или фаянсовый завод К. Ф. Воронина неизвестен.²⁴

На фабрике же Г. А. Ушкова торф применялся вплоть до ее закрытия. Так, в описи материалов от 20 октября 1867 г. он указан в массе 150 пуд. на сумму 90 руб. В наличии находились также 120 саж. березовых дров, заготовленных «для действия заведений Ушкова».²⁵ Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от описи 1858 г. сосновые дрова не были зафиксированы. Именно сосна считалась одной из наиболее пригодных для обжига посуды пород дерева, поскольку, в отличие от березы, она при горении давала необходимое «длинное пламя».²⁶ Показательно, что Е. С. Шабров, бывший работник ушковской фабрики, решая в 1890-х гг., где открыть собственный фаянсовый завод, специально подыскивал место, вблизи которого располагались «красные», то есть хвойные и преимущественно сосновые леса. Местом этим он выбрал не родной Камышловский уезд Пермской губернии, а отдаленную деревню Хабарову Курганского уезда Тобольской губернии.²⁷

Неопределенность со статусом местности, где располагалась фабрика Ушкова, заготавливались для нее сырье и дрова, вызвала разбирательство уже на уровне Правительствующего Сената. По его указу от 27 февраля 1867 г. глиняные и известковые прииски, арендованные Ушковым и располагавшиеся рядом с фабрикой, были окончательно утверждены за горным ведомством, «которое не могло допустить существования на своей земле огнедействующих заведений» и вновь опечатаło фабрику. Она была остановлена в июне 1867 г. за три года и один месяц до истечения срока аренды земельного

участка. Лишь в феврале 1868 г. Ушкову было разрешено «окончить выделку изделий из заготовленных материалов».²⁸

Оставив надежду на возрождение гончарного производства, в мае 1868 г. предприниматель через своего доверенного В. Ефимова просил горного начальника Екатеринбургских заводов разрешить устроить суконную фабрику при мукомольной мельнице на Исети близ Каменского завода. В документе были упомянуты находящиеся при ней различные постройки фаянсового завода, на тот момент уже не действовавшего. Подчеркивалось, что фабрика будет построена с использованием этих построек и на водном приводе, а отапливаться будет горючим материалом, приобретенным «из указанных горным начальством местностей и указанным порядком».²⁹

Горное начальство поначалу не возражало против строительства и работы суконной фабрики на заявленных условиях и с учетом внесения оброка, однако в ходе внутриведомственной переписки вновь возник вопрос об основаниях, на которых Ушков владеет мельницей. Выяснилось, что площадь участка, занимаемого мельницей и постройками при ней (1 дес. 136 кв. саж., в т. ч. под самой мельницей 156 кв. саж.), превышала установленную норму на 1 336 кв. саж. Излишек земли был занят гончарным заведением и принадлежавшими ему пристройками. При этом у владельца не оказалось документов, подтверждающих права на владение дополнительной площадью. В итоге, не дождавшись окончания разбирательства, Г. А. Ушков решил не вступать в новый конфликт с всесильным на Урале горным начальством и продал мельницу купцу В. Иванову в декабре 1869 г.³⁰

Схожим образом развивались события и при открытии И. С. Смирновым фаянсового предприятия в Юговском заводе Осинского уезда Пермской губернии. Этот закрытый в 1871 г. медеплавильный завод принадлежал к посессионному Кнауфскому горнозаводскому округу, который находился в казенном управлении. Источники свидетельствуют, что 10 июня 1872 г. волостное правление выдало предпринимателю свидетельство на учреждение фаянсовой фабрики на его собственной усадьбе. После подобного же обращения в Пермское губернское правление оно через Осинское уездное

²³ См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 312. Л. 1–90б.

²⁴ См.: Антипова Е. В. Керамическая Россия: гончарные заводы Российской империи рубежа XIX–XX вв., справочные данные с марками. Саратов, 2020. С. 231–249.

²⁵ РГИА. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 2096. Л. 4–70б.

²⁶ Соколов А. М. Керамическая технология. СПб., 1904. С. 147.

²⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 1062. Л. 13–130б.

²⁸ РГИА. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 2096. Л. 4–11.

²⁹ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 1а–1аоб.

³⁰ См.: Там же. Л. 2–29.

полицейское управление наводило справки о том, нет ли каких-либо препятствий к устройству фаянсового заведения. Привлеченный к следствию горный исправник Кнауфских заводов установил, что Смирнов начал самовольно строить фабрику еще в апреле того года и, только подвергшись преследованию, озабочился получением разрешения от властей. По мнению чиновника, подобное заведение, как основанное на «огненном действии», не могло быть допущено в Юговском заводе без дозволения горного начальства по силе той же самой 394 ст. Горного устава. Кроме того, он считал, что были нарушены нормы строительного и пожарного уставов, в связи с чем фаянсовое заведение угрожало огнем как заводским, так и обывательским постройкам, поскольку располагалось в северной части селения при господствующих же северных ветрах. Выяснилось также, что фабрика была сложена из леса, приобретенного «хищническим способом» на значительную сумму. В связи с открывшимися обстоятельствами исправник завел дело, которое, по его словам, тормозилось из-за самовольных отлучек фабриканта и его неподчинения представителю горного ведомства.³¹

В свою очередь, Смирнов подал прошение Пермскому губернатору, в котором оправдывал возведение фабрики ее расположением на собственной усадьбе, что якобы не требовало особого разрешения горного начальства. Он упомянул, что открытие фабрики было одобрено приговором общества Юговского завода, так как после закрытия этого предприятия работы в поселке не хватало. В том приговоре действительно отмечалось, что заведение Смирнова предоставит хотя бы части местных жителей заработок и возможность уплаты податей.³² Забегая вперед, стоит отметить, что в последующем фабрикант выполнил данное обещание. По крайней мере в 1878 г. на фабрике числилось 23 работника, включая рабочих, мастеров, учеников, и все они были «из мастеровых Юго-Кнауфского завода вольнонаемные».³³ По поводу пожароопасности фабрики было указано, что она строится на окраине поселка и при ней имеются «пожарные машины», которые предприниматель обязался предоставлять обществу и в случае пожара в других частях селения. Местный мировой посредник тоже выступил в защиту Смирнова, дополнительно пояснив,

что тот намерен покупать лес для фабричного действия не из заводской дачи. Он счел, что исправник как представитель горного ведомства нарушил процессуальные нормы и превысил свои должностные полномочия.³⁴

Тем не менее Уральское горное правление в январе 1873 г. однозначно высказалось о том, что постройка Смирновым фаянсового заведения, основанного на «огненном действии», противоречит Горному уставу, и предписало Осинскому уездному полицейскому управлению дело о самовольном устройстве фабрики передать судебному следователю, а возведенные здания уничтожить. Однако Пермское губернское по крестьянским делам присутствие не согласилось с этим решением на том основании, что запрещение возводить «огнедействующие заведения» относилось якобы к казенным, а не к посессионным горным заводам. Кроме того, отмечалось, что недействовавший Юговский завод в лесах не нуждался. По всем этим причинам присутствие сочло, что Смирнов имел право устроить на своей усадьбе фаянсовую фабрику, но для подтверждения своего вердикта отправило копию с журнала заседания на рассмотрение министра внутренних дел.³⁵

В мае и июле 1873 г. Смирнов отправлял телеграммы на имя того же министра с просьбой ускорить рассмотрение дела. Но из-за перехода горного ведомства из Министерства финансов в подчинение Министерства государственных имуществ только в августе 1876 г. оно сдвинулось с места. Тогда из Горного департамента было отправлено уведомление в Земский отдел Министерства внутренних дел о том, что «общий вопрос об устройстве крестьянами огнедействующих заведений в дачах посессионных горных заводов находится на рассмотрении Горного совета». Вместе с тем министр государственных имуществ «в виду особых условий» Юговского завода позволил Смирнову «впредь до разрешения вышеупомянутого вопроса, открыть действие устроенной им на своей усадьбе» фаянсовой фабрики.³⁶ По одним источникам, фабрика начала действовать в 1877 г., по другим — в 1878 г. и, переходя из рук в руки, просуществовала до 1910-х гг.³⁷

С открытием фабрики И. С. Смирнова связано дело крестьянина Иргинского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии

³¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1235. Л. 1–6.

³² См.: ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 269. Л. 1–260б.

³³ РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 151а. Л. 5340б–535.

³⁴ См.: ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 269. Л. 1–260б.

³⁵ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1235. Л. 17–380б.

³⁶ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 16. Л. 1, 2, 34.

³⁷ См.: Антипова Е. В. Указ. соч. С. 242–243.

В. П. Шевелина. Управляющий от казны Кнауфским округом, к которым тоже принадлежал этот закрытый железоделательный завод, в феврале 1883 г. сообщил, что Шевелин просил его о выдаче удостоверения на постройку фаянсового завода на «скотском выгоне» в заводской даче. Общественный приговор с разрешением устройства предприятия был им получен еще в июне 1882 г. Шевелин ходатайствовал также об отпуске из Иргинской дачи за «попенные деньги» строевого леса и дров. Управляющий, со своей стороны, не видел к этому препятствий, так как ранее «постройка подобного заведения была разрешена купцу Ивану Смирнову в Юго-Кнауфском заводе». Однако в апреле того же года, рассмотрев дело, министр государственных имуществ заключил, что разрешение не может быть дано ввиду предстоящей в скором времени продажи Иргинской дачи Кнауфского округа.³⁸

Примером отказа в открытии фаянсового предприятия по причине нехватки топлива является дело троицкого купца И. К. Чеканова — одного из представителей семьи, владевшей фаянсовым заводом в Екатеринбурге. В начале 1882 г. он подал прошение министру государственных имуществ с просьбой разрешить устройство фаянсовой фабрики в лесной даче, где заготавливалось топливо для Миасского завода казенного Златоустовского округа. Предприятие планировалось создать на базе купленного им у Х. С. Наумова мыловаренного заведения, а топливо приобретать в башкирских лесных дачах. Однако по собранным горным ведомством сведениям оказалось, что Чеканов не купил, а лишь арендовал завод на три года и срок аренды истек уже через год. Причем заведение Наумова в свое время было построено «без разрешения заводского начальства». Кроме того, оказалось, что «ближайшие башкирские дачи совершенно вырублены», и башкиры соседних с казенной Миасской дачей деревень сами занимались хищническими порубками, что уже вынудило местное заводское начальство ввести усиленную лесную стражу. На этом основании министр отклонил ходатайство И. К. Чеканова в сентябре того же года.³⁹

Как следует из истории закрытия фабрики Г. А. Ушкова, борьба между хозяйствующими субъектами шла не только за топливо, но и за источники минерального сырья. Примером подобного противостояния является еще и спор за прииск белой глины между управляющим

Кнауфского округа и мастерами Иргинского завода. Именно иргинская белая глина применялась на заводе И. С. Смирнова, по крайней мере в 1878 г.⁴⁰ Вероятно, ее же планировал использовать и В. П. Шевелин.

Разбирательство началось с донесения Иргинского волостного правления мировому посреднику в декабре 1863 г. о том, что на переданном обществу мастеровых по уставной грамоте скотном выгоне Иргинская заводская контора начала добывать белую огнеупорную глину и уже отправила ее в количестве 364 пуд. на Серебрянский завод. Кроме того, 595 пуд. три местных жителя самовольно добыли и отправили на Молебский завод. Волостное правление просило «решить дело о глине», а до этого запретить ее добычу как заводууправлению, так и отдельным жителям Иргинской волости, так как по уставной грамоте выгон был передан всему обществу и только оно могло им распоряжаться. Дополнительно мировой посредник получил обращение управляющего Кнауфского округа подполковника П. П. Дорошина, в котором тот просил «внушить» иргинскому обществу, что по уставной грамоте выгон отведен жителям в безвозмездное пользование, а не в собственность, и им предоставлено право использовать его только по прямому назначению. Месторождение глины, расположенное в пределах выгона, обществу не уступалось. Поэтому, а также учитывая, что глина срочно требовалась на Пермский сталепушечный завод, «постройке которого правительство придает чрезвычайное значение», управляющий просил мирового посредника приказать Иргинскому волостному правлению прекратить чинить препятствия в поставке глины и запретить ее добычу без разрешения Иргинской заводской конторы. Рассмотрев дело, мировой посредник пришел к выводу о том, что выгон площадью 2 618 дес. 800 саж., согласно уставной грамоте 1862 г., вместе с приисками белой глины все-таки принадлежит мастерам. В этой связи посредник предложил управляющему заключить сделку с иргинским обществом о вознаграждении за уже добытую заводской конторой глину и впредь не производить ее добычу без дозволения общества.⁴¹

Несмотря на это, в декабре 1863 г. и январе 1864 г. управляющий ходатайствовал перед Красноуфимским уездным полицейским управлением о запрете местным жителям добывать

³⁸ См.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 2015. Л. 1–50б.

³⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1081. Л. 1–70б.

⁴⁰ См.: РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 151а. Л. 534об.–535.

⁴¹ См.: Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 33. Л. 2–4.

спорную глину. Не получив ответа, он обратился в Пермское губернское по крестьянским делам присутствие с просьбой разъяснить мировому посреднику неправомерность вынесенного решения, запретить добычу глины мастеровым и допустить заводоуправление к владению своей собственностью. Также Дорошин указывал на бездействие полиции, на которую предполагал подать жалобу в губернское правление. Присутствие определило, что предмет обсуждения настолько сложный и важный, что подлежит рассмотрению мирового съезда, а до его решения воспретило мастеровым Иргинского завода разработку глиняных копей, о чем уведомило мирового посредника и уездное полицейское управление. В феврале 1864 г. мировой съезд признал выгоны Иргинских заводов вместе с глиняными месторождениями собственностью мастеровых, тем самым подтвердив решение мирового посредника.⁴²

После этого управляющий округа вновь обратился в Пермское губернское по крестьянским делам присутствие с просьбой отменить решение мирового съезда. Его поддержал и главный начальник уральских заводов, потребовав восстановить права на копи и их разработку для надобностей как Кнауфских, так и казенных заводов. В дополнение к этим отношениям губернское присутствие получило еще и предложение министра финансов разрешить Кнауфскому заводоуправлению добычу огнеупорной глины.⁴³ Под столь массированным давлением присутствие согласилось на компромисс. Оно поддержало постановление мирового съезда, но, учитывая, что глина была необходима для производства тиглей на военном заводе и что мастеровые, «неправильно добывая глину, делают ее непригодной для этого», обязало иргинское общество вести разработку копей под наблюдением заводского техника и поставку глины осуществлять только на горные заводы.⁴⁴

Еще одним примером столкновения интересов, связанным с добычей минерального сырья, служит дело екатеринбургского мещанина И. Я. Коптелова. В ноябре 1879 г. он обратился в главную контору Екатеринбургских заводов с просьбой разрешить ему пробную добычу 2 тыс. пуд. белой глины «для испытания, насколько она окажется доброкачественной при употреблении в дело при выделке посуды».

Сырье предполагалось добыть «в Каменской горнозаводской даче, по левую сторону дороги, идущей в деревню Байнову». Вероятно, имелся в виду тот же прииск, который ранее использовал Г. А. Ушков. Каменское заводоуправление в ответ на запрос главной конторы в декабре того же года донесло, что «ввиду незначительной залежи белой глины» в указанном месте и «малого количества этой глины в других рудниках, из которых она добывается на формовку при здешнем заводе», невыгодно отдавать ее «в частные руки». В феврале 1880 г. главная контора вынесла резолюцию о том, что ходатайство И. Я. Коптелова «не может быть уважено».⁴⁵

Несколько иной была просьба производителя фаянсовой посуды «сельского обывателя» села Уктусского Екатеринбургского уезда К. А. Пермякова. В декабре 1881 г. он просил главную контору Екатеринбургского горного округа выдать свидетельство на поиск и разработку белой глины в заводских дачах. Уже на следующий день разрешение было получено с условием, «что если он найдет таковую, то тотчас же должен заявить о том Управлению государственными имуществами Пермской губернии на предмет образования оброчной статьи, которые отдаются в аренду не иначе как с торгов».⁴⁶ Предпринимателю предстояло, таким образом, пройти еще и процедуру публичных торгов, вовсе не гарантировавшую ему возможность добычи и использования сырья для посуды.

Рассмотренные нами попытки организации фарфорово-фаянсовых предприятий на Урале подтверждают, что, несмотря на введение облегченных условий для частного предпринимательства во второй половине XIX в., развитие этой перспективной для региона отрасли негорнозаводской промышленности ограничивалось действовавшими еще с начала века правовыми нормами и административной практикой, которые относились к функционированию горных заводов в регионе. Эти условия касались как заготовки древесного топлива, так и глины в заводских дачах, потребность в которых испытывало и гончарное, и — еще в больших масштабах — металлургическое производство.

Как показывают источники, из рассмотренных пяти случаев удалось прийти к компромиссному решению только в одном; остальные попытки организации фарфорово-фаянсовых фабрик оказались неудачными, столкнувшись с препятствиями, которые чинило всесильное на

⁴² См.: Там же. Л. 2–6.

⁴³ См.: Там же. Л. 6–14об.

⁴⁴ См.: Там же. Л. 14об.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2027. Л. 1–50б.

⁴⁶ Там же. Д. 2605. Л. 2–20б.

Урале горное ведомство. При этом безрезультатным часто оказывалось сопротивление не только отдельных предпринимателей, но и гражданских властей, встававших на их сторону в интересах общего развития региональной экономики. В этой борьбе местное горное начальство в лице управляющих и Уральского горного управления прибегало к поддержке центральных органов власти — министерств и даже Сената, поддерживавших первостепенное развитие крупной горнозаводской промышленности. Случалось, что противодействие сторонним предпринимателям оказывали и занимавшиеся промыслами заводские жители, в собственных интересах устранявшие конкурентов под защитой действующего горного законодательства.

Тем не менее, несмотря на все препятствия, в Пермской губернии во второй половине XIX в. действовало не менее полутора десятков фарфорово-фаянсовых предприятий различной величины. Для сравнения можно приве-

сти количество аналогичных заведений в тот же период в губерниях, граничивших с Пермской: Вологодская — 0, Вятская — 3, Оренбургская — 0, Тобольская — 2, Уфимская — 2. Причем ни в одной из них не было более высокотехнологичных фарфоровых производств, тогда как в Пермской губернии во второй половине XIX в. их действовало два (Г. А. Ушкова и Е. А. Колпакова).⁴⁷ Несмотря на отзыв современника о фарфорово-фаянсовых предприятиях Пермской губернии как о второстепенных, плохо совершенствовавшихся и слабо увеличивавших размеры производств,⁴⁸ есть примеры применения передовых для своего времени технологий (использование торфа для обжига посуды). Кроме того, не без успеха местные изделия конкурировали с дешевой массовой продукцией Центральной России, хотя к концу XIX в. отмечается снижение качества посуды, вызванное стремлением к удешевлению производства.⁴⁹

Gennadiy N. Saukov

Postgraduate Student, Kurgan State University (Russia, Kurgan)

E-mail: saukow@mail.ru

THE URALS' PORCELAIN AND FAIENCE INDUSTRY OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY UNDER LEGAL AND ADMINISTRATIVE RESTRICTIONS

The article examines the impact of legislative and administrative restrictions on the development of the Urals' porcelain and faience industry in the second half of the 19th century. The sources were investigative cases on the closure or opening of enterprises and on permission to extract white clay and ownership of its deposits. The study found that the law on "fire-fighting establishments", which prohibited the opening of factories in mining districts that "require firewood and coal", as well as the continued broad powers of the mining authorities in protecting the interests of the mining industry, hindered the development of the porcelain and faience industry in the region. The struggle was for the main resources for both industries — wood fuel and clay, which were needed by both pottery and metallurgical production on a large scale. It often proved unsuccessful not only for individual entrepreneurs, but also for civil authorities, who sided with them in the interests of the overall development of the regional economy. In this struggle, the local mining authorities, represented by the managers and the Ural Mining Administration, resorted to the support of central bodies — the ministries and even the Senate, which supported the primary development of the large mining industry. It happened that the opposition to outside entrepreneurs was also provided by factory residents engaged in local crafts, who, in their own interests, eliminated competitors under the protection of the current mining legislation.

Keywords: *Urals, second half of the 19th century, porcelain and faience industry, mining authorities, mining legislation*

⁴⁷ См.: Антипова Е. В. Указ. соч. С. 22, 23, 208–268, 295–299; Бирюков В. П. Указ. соч. С. 41–49; Сауков Г. Н., Гильдерман А. В. Указ. соч. С. 88–95.

⁴⁸ См.: Нетцель А. Указ. соч. С. 26.

⁴⁹ См.: Антипова Е. В. Указ. соч. С. 234.

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Dashkevich L. A. et al. *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII — nachalo XX v.): regional'noye izmereniye* [Actors of the Russian Imperial Modernization (18th — Early 20th Centuries): A Regional Aspect]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2016. (in Russ.).
- Antipova E. V. *Keramicheskaya Rossiya. Goncharnyye zavody Rossiyskoy Imperii rubezha XIX–XX vekov, spravochnyye dannyye s markami* [Ceramic Russia. Pottery Factories of the Russian Empire at the Turn of the 19th–20th Centuries, References with Labels]. Saratov: Amirit Publ., 2020. (in Russ.).
- Biryukov V. P. [From the History of Porcelain and Faience Production in the Isetsk Region]. *Isetsko-Pyshminskiy kray: sbornik krayevedcheskikh statey* [Isetsk-Pyshma Region: A Collection of Local History Articles]. Shadrinsk: Uralpoligraf Publ., 1930, iss. 1, pp. 41–49. (in Russ.).
- Saukov G. N., Gilderman A. V. [Shabrov's Faience Workshop: An Experience of Narrative Verification]. *Zemlya kurganskaya: proshloye i nastoyashcheye: Krayevedcheskiy sbornik. Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Kurgan Land: The Past and Present. A Local History Collection. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference]. Kurgan: Kurganskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2021, iss. 22, pp. 88–95. (in Russ.).

Для цитирования: Сауков Г. Н. Фарфорово-фаянсовая промышленность Урала второй половины XIX в. в условиях законодательных и административных ограничений // Уральский исторический вестник. 2025. № 3 (88). С. 26–35. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-26-35.

For citation: Saukov G. N. The Urals' Porcelain and Faience Industry of the Second Half of the 19th Century under Legal and Administrative Restrictions // Ural Historical Journal, 2025, no. 3 (88), pp. 26–35. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-26-35.